Археологические вести

— 25 —

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Archaeological news

25
(2019)

Saint-Petersburg
2019

Археологические вести

25
(2019)

Санкт-Петербург
2019

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

член-корреспондент РАН Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская (главные редакторы), О. И. Богуславский, В. С. Бочкарев, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Л. Г. Шаяхметова, академик РАН В. Л. Янин

Рецензенты:

кандидат исторических наук А. А. Пескова, доктор исторических наук Е. А. Рыбина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 25** / [Гл. ред. Е. Н. Носов, Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2019. — 334 с.: ил.

ISSN 1817-6976

В очередной выпуск «Археологических вестей» ИИМК РАН включены статьи, посвященные новейшим исследованиям в области археологии, истории и культуры. Впервые вводятся в научный оборот материалы, полученные в результате изучения поселений и погребальных памятников от эпохи каменного века до средневековья на территории Евразии. В ряде статей рассматриваются конкретные археологические комплексы и отдельные категории материала. В специальный раздел сборника вошли работы по актуальным проблемам археологии, касающиеся белозерской культуры бронзового века Днестровского бассейна и дискуссии о предроманских культурных импульсах в искусстве древнего Новгорода XI в. В выпуске представлены обзоры и рецензии на новейшую историко-археологическую литературу, информация о сотрудничестве литовских и российских исследователей, работы по истории науки. Среди авторов — ученые из России, Беларуси, Литвы и Болгарии.

The current issue of the annual “rkheologicheskie Vesti” (Archaeological News) of the Institute of the History of Material Culture RAS comprises articles devoted to the most recent investigations in the sphere of archaeology, history and culture. The results obtained from studies of ancient settlements and burial sites ranging chronologically from the Prehistoric to Mediaeval periods over the territory of Eurasia are here first published. Some of the articles consider particular archaeological complexes and individual categories of finds. A special section of this collection includes studies on current problems of archaeology concerned with the Belozersk culture of the Bronze Age in the Dniester basin area and a discussion of pre-Romanesque cultural pulses in the art of Novgorod of the 11th century. The annual presents reviews on the latest historico-archaeological publications, information on the cooperation between Lithuanian and Russian researchers and studies on the history of the science. Among the authors there are scholars from Russia, Belarus, Lithuania and Bulgaria.

Первая страница обложки: матрица с изображением сирены из производственного центра художественного литья из цветных металлов у с. Златар Преславского района (к статье С. Дончевой).

First page of cover: Embossing matrix with a representation of a siren from the manufacturing centre of artistic casting of non-ferrous metals near the village Zlatar, Preslav District (article by S. Doncheva)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2019

Раскопки некрополя Артющенко-2 в 2014–2018 гг.¹

С. В. Кашаев²

Аннотация. Статья посвящена основным результатам раскопок Таманского отряда ИИМК РАН на некрополе Артющенко-2 в 2014–2018 гг. Приводится описание открытых погребальных сооружений, обряда захоронения, сопроводительного инвентаря. В заключении кратко представлены наиболее интересные захоронения и находки.

Annotation. This paper presents the main results of excavations conducted by the Taman Detachment of the Bosporan Expedition of the Institute of the History of Material Culture (IIMK) at the necropolis of Artyushchenko-2 in 2014–2018. The article includes a description of the revealed burial structures, the funerary rite and grave offerings. In conclusion, the most interesting burials and finds are briefly characterised.

Ключевые слова: Таманский полуостров, античность, некрополь, погребения, греческая керамика.

Keywords: Taman Peninsula, Classical Period, classical antiquity, necropolis, burials, Greek pottery.

DOI 10.31600/1817-6976-2019-25-101-112

Памятник археологии «Поселение и некрополь Артющенко-2» расположен в южной части Таманского полуострова, на обрывистом берегу Черного моря, в 17 км к юго-востоку от станицы Тамань и в четырех километрах к юго-востоку от пос. Артющенко (Kashaev, 2015. Р. 140; Виноградов, Кашаев, 2016. С. 95–109). Поселение было обнаружено в 1997 г. в ходе разведок, его раскопки ведутся с 1998 г. Некрополь расположен к востоку от поселения. В 2003 г. начаты раскопки этого разрушающегося памятника. Работы проводит Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук по теме государственной работы 0184-2019-0005 «Культура античных государств Северного Причерноморья. Субкультуры правящей элиты и рядового населения».

² Отдел истории античной культуры, ИИМК РАН. Дворцовая наб., 18, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия. E-mail: kashaev@mail.ru.

Раскопки в 2014–2018 гг. были сосредоточены на Раскопе «Н» (некрополь). За пять лет исследована площадь около 1400 кв. м. В ходе раскопок было обнаружено 63 погребения (№ 31–188, Г13–Г17), из которых пять исследовано за современными грабителями. Такие погребения получили особую нумерацию с литерой «Г».

Несколько погребений найдены на береговом склоне частично или полностью разрушенными в результате абразии. Обрушение этих погребений произошло несколько лет назад, но только сейчас в процессе эрозии и оползания грунта они стали заметны на поверхности склона.

В последние годы раскопки были сосредоточены в основном в восточной части памятника. Проведенные работы позволили получить новые данные и существенно расширили имеющуюся информацию о некрополе. Сложилось представление о его размерах, определена предполагаемая восточная граница, существенно скорректирована хронология,

обнаружены новые типы погребальных сооружений, уточнены данные по погребальному обряду.

Размеры. На площади памятника разбита сетка с размерами квадратов 4×4 м. С юга на север идут линии квадратов, обозначенные буквами от А до Ш. С запада на восток — линии, обозначенные цифрами 14-1 и 1'-40'.

Южная граница памятника образована береговым обрывом. В зависимости от его конфигурации она проходит по квадратам линий А и Б.

Северная граница пока условно зафиксирована на линии квадратов Ш, она проходит более чем в 100 м от берегового обрыва. Там расположен самый северный грабительский шурф с останками захоронения (ГШ 35). Как далеко на самом деле памятник распространяется на север — пока судить сложно.

Западная граница образована серией погребений, расположенных по линии север-юг (погребения № 24, 25, 27, 28, 32, 82, 83, 88). К западу от этой линии раскопан участок площадью около 350 кв. м, на котором захоронений не встречено.

Восточная граница, как представляется, проходит примерно в 150 м от западной. К востоку от нее раскопан участок площадью около 500 кв. м, на котором нет захоронений.

В западной части раскопанного участка преобладают наиболее древние погребения V–IV вв. до н. э. В восточной части, исследование которой велось в последние годы, — погребения III–II вв. до н. э. Также в восточной части обнаружены самые поздние захоронения IV–V вв. н. э. Пока это лишь единичные комплексы, и, наверно, преждевременно расширять хронологию всего некрополя до V в. н. э., так как захоронения I в. до н. э. — II в. н. э. пока не найдены.

Исходя из информации, полученной в результате многолетних исследований, можно высказать предположение о границах, размерах, топографии развития и погребальном обряде некрополя.

Топография. В настоящий момент можно предположить, что некрополь V–II вв. до н. э. развивался преимущественно с запада

на восток и северо-восток, а в более поздний период в восточной части были совершены захоронения IV–V вв. н. э.

Также можно отметить, что именно в восточной части некрополя была обнаружена серия подбойных погребений, сейчас их количество приближается к десяти.

Погребальные сооружения. Накопленная за время раскопок информация позволяет описать основные черты погребального обряда, конструкции могильных сооружений, основной набор инвентаря, характерные для некрополя Артющенко-2.

На памятнике зафиксированы погребальные сооружения нескольких основных конструкций.

1. Сырцовые гробницы (склепы, ящики), заглубленные в землю. Для их строительства выкапывали котлован, в котором из сырцовых кирпичей выкладывали стены склепов, затем делали перекрытие. Конструкции стен, полов и перекрытия склепов имеют несколько вариантов исполнения.

2. Простые грунтовые ямы без перекрытия. В таких могилах при захоронении тело сразу засыпалось грунтом, следовательно, отсутствовало свободное пространство над телом.

3. Грунтовые ямы с перекрытием. Такие ямы имели заплечики, на которые укладывалось перекрытие. Перекрытие, чаще всего, было из досок (дерева) и, как правило, не сохранилось. Изредка удавалось обнаружить следы древесного тлена или фрагменты обугленных досок, оставшихся от перекрытия. Встречено также каменное перекрытие. В этом случае могильные ямы были перекрыты плоскими каменными плитами.

4. Грунтовые ямы с комбинированным деревянным и сырцовым перекрытием. Эта конструкция очень близка предыдущему варианту с тем отличием, что поверх деревянного перекрытия выкладывался слой сырцовых кирпичей.

5. Подбойные могилы. Чаще подбой закладывался сырцовыми кирпичами, иногда для этого использовали плоские камни или стенки амфор.

6. Детские захоронения в амфорах. Такие погребения, как правило, совершались в туловах амфор. Иногда вместо амфор использовали тулова крупных гончарных или лепных сосудов.

Практически во всех исследованных погребениях захоронение совершено по обряду трупоположения, встречен лишь один случай кремации, предположительно на стороне.

Глубина от современной поверхности до дна могил варьировала в пределах от 1,0 до 2,0 м и, как правило, составляла около 1,5 м. Чаще всего погребенные лежали вытянуто на спине, руки их лежали вдоль туловища, а ноги — прямо. Иногда наблюдаются вариации положения — ноги, распавшиеся «ромбом», кисть руки на тазовых костях, рука согнута в локте. Сохранность скелетов в большинстве случаев можно определить как плохую или очень плохую, в редких случаях она удовлетворительная. Часто подробное положение скелета бывает сложно зафиксировать в силу плохой сохранности костей.

Скелеты в ранних могилах (V–IV вв. до н. э.) ориентированы головой на восток или северо-восток. Такое сочетание погребений с восточной ориентацией и редкими случаями западной является традиционным для боспорских некрополей V–IV вв. до н. э. (Коровина, 1987. С. 4). В захоронениях III–II вв. до н. э. скелеты чаще ориентированы головой в южный и восточный сектора, в погребениях IV–V вв. н. э. — головой на север. Безынвентарные погребения, а также комплексы, обнаруженные на береговом склоне разрушенными, сложно датировать точно.

Инвентарь. На основании материалов, полученных при раскопках, можно выделить основной набор погребального инвентаря, который согласно обряду клали умершим — и мужчинам, и женщинам. В него входило по одному какому-либо сосуду от каждой из нижеперечисленных групп:

— сосуд для вина — амфора, кувшин, ойнохоя (гончарная или лепная);

— сосуд для пищи — миска (гончарная или лепная), чернолаковая чаша на ножке, миска-одноручник;

— сосуд для питья — чернолаковый килик, скифос, канфар;

— сосуд для благовоний — лекиф, аск, амфориск, алабастр.

Помимо основного набора мужчинам клали оружие — мечи, копья и стрелы; предметы конской упряжи — ворворки, пряжки; орудия труда — ножи, шилья, иглы. Женщинам дополнительно клали украшения — подвески, бусы; орудия труда — ножи, иглы, веретена; зеркала; косметические принадлежности.

Погребения. В качестве примера кратко рассмотрим наиболее интересные комплексы, открытые в 2014–2018 гг. и обнаруженные в них находки.

Погребение № 136 было парным, в нем захоронены мужчина и женщина 50–55 лет. Инвентарь составляли красноглиняные ойнохоя и миска, кольцевой аск (Буйских, 2013. С. 133), лепные кувшин и миска, цилиндрический лекиф, бронзовое пряслице. Датируются такие находки началом V в. до н. э. (рис. 1, 1, 2, 5–8).

Погребение № 144 принадлежит мужчине 35–45 лет, оно полностью разрушено абразией. Из инвентаря обнаружены бронзовая подвеска ромбической формы, золотые и гатовые бусины (рис. 1, 4), которые можно предположительно отнести к II–III вв. н. э. (Новичихин, Галут, 2015. С. 44).

В **погребении № 146** был захоронен мужчина 35–40 лет. Оно также разрушено абразией. От инвентаря сохранились фрагмент красноглиняной миски, гемма (инталия) из горного хрусталя с резным изображением полуобнаженной сидящей женщины (Кашаев, 2016. С. 70). Датировать ее можно концом V — началом IV в. до н. э. (рис. 1, 3).

В **погребении № 148** вся придонная часть могилы была засыпана слоем из раковин морских моллюсков, принадлежит оно мужчине 45–50 лет. Погребальный инвентарь состоял из красноглиняных ойнохои и миски, чернолаковых килика (Sparkes, Talcott, 1970. № 459, 460) и солонки, керамического пряслица (рис. 2, 1–4). Захоронение можно датировать серединой — третьей четвертью V в. до н. э.

Погребение № 154 содержало останки мужчины 35–40 лет. Инвентарь составляли

Рис. 1. Некрополь Артющенко-2. Находки 2014 г. 1, 2, 5–8 — погребение № 136 (1 — лекиф цилиндрический; 2 — аск кольцевой; 5 — миска красноглиняная; 6 — лепной кувшин; 7 — ойнохоя красноглиняная; 8 — миска лепная); 3 — гемма (инталия); 4 — набор украшений-подвесок. Масштабы: а — для № 1, 2, 5–8, б — для № 4, в — для № 3. 1, 2, 5–9 — керамика; 3 — горный хрусталь; 4 — золото, гагат

Fig. 1. Necropolis of Atyushchenko-2. Finds of 2014. 1, 2, 5–8 — burial no. 136 (1 — cylindrical lekythos; 2 — ring askos; 5 — redware bowl; 6 — handmade pitcher; 7 — redware oinochoe; 8 — handmade bowl); 3 — gem (intaglio); 4 — set of ornamental pendants. Scale: а — nos. 1, 2, 5–8, б — no. 4, в — no. 3. 1, 2, 5–9 — ceramics; 3 — rock crystal; 4 — gold, jet

Рис. 2. Некрополь АPTYУЩЕНКО-2. Находки 2015 (1-10) и 2017 (11-12) г. 1-4 — погребение № 148 (1 — килик чернолаковый; 2 — миска красноглиняная; 3 — солонка чернолаковая; 4 — ойнохоя красноглиняная); 5-10 — погребение № 154 (5 — солонка чернолаковая; 6 — наконечник копья; 7 — вток копья; 8 — меч; 9 — миска красноглиняная; 10 — ойнохоя красноглиняная); 11-12 — погребение № 167 (11 — ольпа белофонная; 12 — ойнохоя сероглиняная). 1-5, 8-12 — керамика; 6-8 — железо

Fig. 2. Necropolis of Atyushchenko-2. Finds of 2015 (1-10) and 2017 (11-12): 1-4 — burial no. 148 (1 — black-glossed kylix; 2 — redware bowl; 3 — black-glossed saltcellar; 4 — redware oinochoe); 5-10 — burial no. 154 (5 — black-glossed saltcellar; 6 — spear-head; 7 — butt-weight of a spear; 8 — sword; 9 — redware bowl; 10 — redware oinochoe); 11-12 — burial no. 167 (11 — white-ground olpe; 12 — greyware oinochoe). 1-5, 8-12 — ceramics; 6-8 — iron

красноглиняные ойнохоя и миска, чернолаковая солонка (*Sparkes, Talcott*, 1970. № 849), железные меч, наконечник и вток копья, два пряслица — керамическое и свинцовое. Датируется комплекс второй четвертью — серединой V в. до н. э. (рис. 2, 5–10).

В погребении № 156 обнаружен скелет мужчины 40–45 лет. В погребальный инвентарь входили лепной горшок с насечками по венчику, железный нож, золотая шейная гривна, серебряные с позолотой серьги в виде калачиков, две бронзовые пряжки (рис. 3, 1–4, 8). Это одно из самых поздних и единственное из четырех погребений данного времени, обнаруженное неповрежденным. Оно датируется IV–V вв. н. э. Остальные три погребения были ограблены в древности (*Кашиаев*, 2018. С. 102).

Погребение № 157 содержало останки женщины 50–55 лет. В погребальный инвентарь входили красноглиняная миска, абаластр из синне-желтого финикийского стекла (*Кунина*, 1997. С. 249, кат. 11), чернолаковая солонка, свинцовое (рис. 3, 5–7) и керамическое пряслица. Датируется комплекс около середины V в. до н. э.

Погребение № 165 предположительно является кенотафом. Его инвентарь состоял из столовой амфоры, расписанной белой краской по плечикам, красноглиняной миски (рис. 3, 9, 10) и керамического пряслица. Судя по амфоре, комплекс можно датировать концом VI — началом V вв. до н. э. (*Скуднова*, 1988. С. 68. Кат. 87).

Погребение № 167 принадлежит женщине 20–25 лет. Инвентарь составляли белофонная ольпа (рис. 2, 11) (*Буйских*, 2013. С. 176), цилиндрическое керамическое пряслице. Такие находки можно датировать концом VI — началом V в. до н. э.

В погребении № 168 кости женщины 45–50 лет лежали компактно, возможно, были уложены в мешок. Это могло быть связано, например, с перезахоронением останков. Среди костей найден чернолаковый каннелированный лекиф (*Sparkes, Talcott*, 1970. № 1129), датируемый концом V в. до н. э. (рис. 3, 11).

Погребение № 169 принадлежит женщине 35–40 лет. В погребении найдены кувшин

красноглиняный, белофонная ольпа (рис. 4, 1, 2) (*Буйских*, 2013. С. 176), бронзовая серьга, фрагмент каменного оселка, золотой самородок округлой формы (диаметром 3–4 мм) и несколько раковин моллюсков.

Предположительно при засыпке могилы был использован морской или речной грунт. Вместе с ним в заполнение попали раковины моллюсков и золотой самородок. В данном случае нами зафиксирован редкий и очень интересный элемент погребального обряда. Относится погребение к концу VI — началу V в. до н. э.

В погребении № 175 обнаружен скелет женщины 20–25 лет. Инвентарь составляли протофасосская амфора (Пятая серия)³ (*Монахов*, 2003. С. 256. Табл. 26), кольцевой аск (*Буйских*, 2013. С. 133), красноглиняная миска, бронзовая игла (рис. 4, 3–5), подвеска — камешек с отверстием. Датируется началом V в. до н. э.

Погребение № 183 — парное, но необычное, в нем обнаружен скелет мужчины 25–30 лет и кости младенца. В захоронении найдены железный меч, красноглиняная ойнохоя, дно красноглиняной миски и ножка синопской (Вариант II-C) (*Монахов*, 2003. С. 332. Табл. 102) амфоры (рис. 4, 6–8, 10). Датируется концом IV — началом III в. до н. э. Это самое позднее найденное нами захоронение с оружием.

Погребения Г13–Г17 были исследованы за современными грабителями. В 2009–2013 гг. на некрополе было зафиксировано более 60 грабительских шурфов. В этих захоронениях найдено несколько предметов инвентаря, не замеченных или не взятых грабителями. Среди таких предметов можно отметить амфориск финикийского стекла (рис. 4, 9) и кусочек пемзы, найденные в погребении Г13 (*Кунина*, 1997. С. 251. Кат. 28), датируемое началом V в. до н. э.

Тризн. Помимо погребений в ходе раскопок обнаружено еще несколько комплексов, атрибутированных как тризн. Следует подчеркнуть, что тризн на некрополе

³ Здесь и далее типы амфор по С. Ю. Монахову.

Рис. 3. Некрополь АPTYУШЧЕНКО-2. Находки 2015 (1-8) и 2017 (9-11) гг.: 1-4, 8 — погребение № 156 (1 — серьги серебряные позолоченные; 2, 3 — пряжки бронзовые; 4 — гривна золотая; 5 — миска красноглиняная; 6 — солонка чернолаковая; 7 — алабастр стеклянный; 8 — горшок лепной); 9-10 — погребение № 165 (9 — миска красноглиняная; 10 — амфора столовая); 11 — погребение № 168, лекиф чернолаковый. Масштабы: а — для № 1-4; б — для № 5-11.

1 — серебро позолота; 2, 3 — бронза; 4 — золото; 5, 6, 8-11 — керамика; 7 — стекло

Fig. 3. Necropolis of Atyushchenko-2. Finds of 2015 (1-8) and 2017 (9-11): 1-4, 8 — burial no. 156 (1 — gilt silver earring; 2, 3 — bronze buckle; 4 — gold neck ring; 5 — redware bowl; 6 — black-glossed saltcellar; 7 — glass alabaster; 8 — handmade pot); 9-10 — burial no. 165 (9 — redware bowl; 10 — table amphora); 11 — burial no. 168, black-glossed lekythos. Scale: a — nos. 1-4; b — nos. 5-11.

1 — silver, gilding; 2, 3 — bronze; 4 — gold; 5, 6, 8-11 — ceramics; 7 — glass

Рис. 4. Некрополь АPTYушченко-2. Находки 2017 (1, 2) и 2018 (3–10) гг.: 1, 2 — погребение № 169 (1 — ольпа красноглиняная; 2 — кувшин красноглиняный); 3–5 — погребение № 175 (3 — миска красноглиняная; 4 — аск кольцевой; 5 — амфора протофасосская); 6–8, 10 — погребение № 183 (6 — дно красноглиняной миски; 7 — меч железный; 8 — ножка синопской амфоры; 10 — ойнохоя красноглиняная); 9 — погребение № Г13, амфориск. Масштабы: а — для № 9; б — для № 1–4, 6, 8, 10; в — для № 5. 1–6, 8, 10 — керамика; 7 — железо; 9 — стекло

Fig. 4. Necropolis of Atyushchenko-2. Finds of 2017 (1, 2) and 2018 (3–10): 1, 2 — burial no. 169 (1 — redware olpe; 2 — redware pitcher); 3–5 — burial no. 175 (3 — redware bowl; 4 — ring askos; 5 — proto-Thasian amphora); 6–8, 10 — burial no. 183 (6 — bottom of redware bowl; 7 — iron sword; 8 — foot of Sinopean amphora; 10 — redware oinochoe); 9 — burial no. Г13, amphoriskos. Scale: a — no. 9; б — nos. 1–4, 6, 8, 10; в — no. 5. 1–6, 8, 10 — ceramics; 7 — iron; 9 — glass

Рис. 5. Некрополь Артющенко-2. Находки 2014–2018 гг.: 1–4 — тризна 25: 1 — амфора лесбосская; 2 — амфоры протофасосской горло; 3, 4 — амфора протофасосская; 5, 9 — тризна 28: амфоры протофасосские; 6 — тризна 21, амфора синопская; 7, 8 — тризна 27: 7 — амфора хиосская; 8 — амфора лесбосская. 1–9 — керамика

Fig. 5. Necropolis of Artyushchenko-2. Finds of 2014–2018. 1–4 — ritual deposit no. 25: 1 — Lesbian amphora; 2 — neck of a proto-Thasian amphora; 3, 4 — proto-Thasian amphora; 5, 9 — ritual deposit no. 28: proto-Thasian amphorae; 6 — ritual deposit no. 21, Sinopean amphora; 7, 8 — ritual deposit no. 27: 7 — Chian amphora; 8 — Lesbian amphora. 1–9 — pottery

Артющенко-2 являются устойчивым элементом погребального обряда. Как правило, в них найдены целые или фрагментированные амфоры.

В *тризне* № 21 находилась целая синопская амфора (Вариант II-C) (Монахов, 2003. С. 332. Табл. 102) начала III в. до н.э. (рис. 5, 6).

В *тризне* № 24 обнаружено тулово амфоры на сложнопрофилированной ножке — протофасосской (Третья серия) (Там же. С. 255. Табл. 25) (рис. 5, 9) начала V в. до н.э.

Тризна № 25 содержала серию фрагментированных амфор. Типологически это амфоры на сложнопрофилированной ножке (Третья серия) (Там же. С. 254, Табл. 24) и лесбосские (Вариант I-C) (Там же. С. 261. Табл. 31), которые датируются концом VI — началом V в. до н.э. (рис. 5, 1–4).

В *тризне* № 27 найдено две амфоры, хисоская пухлогорлая (Вариант III-A) (Там же. С. 234. Табл. 4) и лесбосская красноглиняная (Вариант I-C) (Там же. С. 261. Табл. 31)

(рис. 5, 7, 8), которые датируются концом VI — началом V в. до н.э.

В *тризне* № 28 обнаружено тулово протофасосской амфоры (Четвертая серия) (Там же. С. 255. Табл. 25) (рис. 5, 5) начала V в. до н.э.

В результате многолетних исследований некрополь Артющенко-2 в настоящее время является одним из наиболее полно изученных некрополей Азиатского Боспора. Всего за все время его раскопок в 2003–2018 гг. была исследована площадь около 5250 кв. м, обнаружено 205 погребений, из которых 17 доследовано за современными грабителями. Материалы, обнаруженные в процессе раскопок, помогают реконструировать особенности материальной культуры и экономических связей хоры античной Гермонассы. Облик некрополя, обряд и погребальный инвентарь позволяют прийти к выводу о достаточно высоком уровне благосостояния жителей поселения Артющенко-2. Основой этого благосостояния, скорее всего, было сельское хозяйство.

Буйских, 2013 — Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев, 2013. 459 с.

Виноградов, Кашаев, 2016 — Виноградов Ю. А., Кашаев С. В. Античные поселения Артющенко 1 и 2 на Таманском полуострове. К оценке масштабов природного разрушения // Боспорские исследования. Керчь, 2016. Вып. XXXIII. С. 95–109.

Кашаев, 2016 — Кашаев С. В. Гемма (инталия) из некрополя Артющенко-2 // ЗИИМК. 2016. № 14. С. 70–76.

Кашаев, 2018 — Кашаев С. В. Погребения IV–V вв. н.э. на некрополе Артющенко-2 // VIII «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Война и торговля как факторы исторического развития народов Западного Кавказа в древности и средневековье. Краснодар: ИП Смородин, 2018. С. 102–115.

Коровина, 1987 — Коровина А. К. Раскопки некрополя Тирамбы // Сообщения Государ-

ственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1987. Вып. 8. С. 3–70.

Кунина, 1997 — Кунина Н. З. Античное стекло. СПб.: ГЭ, 1997. 360 с.

Монахов, 2003 — Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. М.: Киммериды; Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2003. 352 с.

Новичихин, Галут, 2015 — Новичихин А. М., Галут О. В. Золото Горгиппии. Анапа; Краснодар: Платонов, 2015. 110, [2] с.: цв. ил.

Скуднева, 1988 — Скуднева В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988. 184 с.

Kashaev, 2015 — Kashaev S. The Taman Detachment of the Bosporan Expedition of IIMK RAS in 2006–2013 // Hyperboreus. SPb., 2015. Vol. 21. Fasc. 1. P. 140–156.

Sparkes, Talcott, 1970 — Sparkes B. A., Talcott L. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. Princeton; New Jersey: American School of Classical Studies at Athens, 1970. 472 p. (The Athenian Agora. Vol. XII).

Excavations of the necropolis of Artyushchenko-2 in 2014–2018

S. V. Kashaev

The settlement-site of Artyushchenko-2 and its necropolis are situated in the southern part of the Taman Peninsula. They are investigated by the Taman Detachment of the Bosporan Expedition of the Institute of the History of Material Culture (IIMK) RAS. In 2014–2018, the explorations were focused on Sector 'N' (necropolis). During five years, an area of 1400 sq. m has been investigated. In the course of excavations, 63 burials have been revealed (nos. 131–188, Г13–Г17) of which five were investigated completely after modern clandestine diggers.

In the western sector of the excavated area, the most ancient burials of the 5th–4th century BC are predominant. In the eastern sector, where the investigations were conducted during the last years, there are burials of the 3rd–2nd century BC. Also in the eastern sector, the latest burials of the 4th–5th century AD have been revealed however these constitute so far only few complexes.

The information gathered during the excavations allows us to describe the main features of the burial rite, constructions of the funerary installations and the main set of the grave inventory characteristic of the necropolis of Artyushchenko-2.

As an example, the most interesting complexes and finds from them are considered below:

In burial no. 136, the grave offerings included a redware oinochoe and a bowl, a ring askos, a handmade pitcher and a bowl, a cylindrical lekythos and a bronze spindle whorl. Finds of this type are datable to the early 5th century BC (Fig. 1, 1, 2, 5–8).

Burial no. 144 is completely destroyed by the shore abrasion. Among its inventory were found a bronze rhomboid pendant, gold and jet beads (Fig. 1, 4) supposedly datable to the 2nd–3rd century AD.

In burial no. 146 disturbed by shore abrasion, the preserved inventory included a fragment of a redware bowl and a gem (intaglio) from rock crystal with a carved representation of a half-naked sitting woman. The gem can be dated to the late 5th–early 4th century BC (Fig. 1, 3).

In burial no. 148, the grave inventory included a redware oinochoe and a redware bowl, a black-gloss kylix and black-gloss saltcellar and a ceramic spindle whorl (Fig. 2, 1–4). This burial is datable to the middle or third quarter of the 5th century BC.

The inventory of burial no. 154 was composed of a redware oinochoe and a redware bowl, a black-gloss saltcellar, an iron sword, the iron head and the butt-weight of a spear, two spindle whorls — one ceramic and the other of lead. This complex is dated to the second quarter — middle of the 5th century BC (Fig. 2, 5–10).

Burial no. 156 contained a handmade pot with incisions around the rim, an iron knife, a gold neck ring, gilded silver earrings in the form of half-closed rings, two bronze buckles of the 4th–5th century AD (Fig. 3, 1–4, 8).

Burial no. 157 contained a redware bowl, an alabastron from blue-yellow Phoenician glass, a black-gloss saltcellar, two whorls of lead and ceramic (Fig. 3, 5–7). This complex is dated to the period of about the middle of the 5th century BC.

In burial no. 165, the grave goods included a table amphora, a redware bowl and a ceramic spindle whorl (Fig. 3, 9, 10). This complex is datable to the late 6th–early 5th century BC.

The inventory of burial no. 167 included a white-ground olpe of the late 6th — early 5th century BC and a cylindrical ceramic spindle whorl (Fig. 2, 11, 12).

In burial no. 168 there was a black-gloss fluted lekythos of the late 5th century BC (рис. 3, 11).

Burial no. 169 yielded a redware pitcher, a white-ground olpe, a bronze earring, a fragment of a stone whetstone, a gold nugget of a rounded shape (3–4 mm in diameter) and mollusc shells (Fig. 4, 1, 7). This burial is dated to the late 6th — early 5th century BC.

In burial no. 175 there were a proto-Thasian amphora of the early 5th century BC, a ring askos, a redware bowl, a bronze needle and a pendant — a small perforated stone (Fig. 4, 3–5).

Burial no. 183 contained an iron sword, a redware oinochoe, the bottom of a redware bowl and the foot of a Sinopean amphora (Fig. 4, 6–8, 10). The burial is dated to the late 4th — early 3rd century BC.

Burials Г13–Г17 were completely excavated after modern illegal diggers. There a number of items of grave offerings were found overlooked or neglected by the robbers. Among these objects, of note is an amphoriskos from Phoenician glass of the early 5th century BC from burial Г13 (Fig. 4, 9).

Besides the burials, in the course of excavations, still several other objects were revealed which were interpreted as ritual deposits. Ritual deposits at the necropolis are a stable feature of the burial rite. As a rule, they contain complete or fragmentary amphorae of the 5th–3rd century BC (Fig. 5).